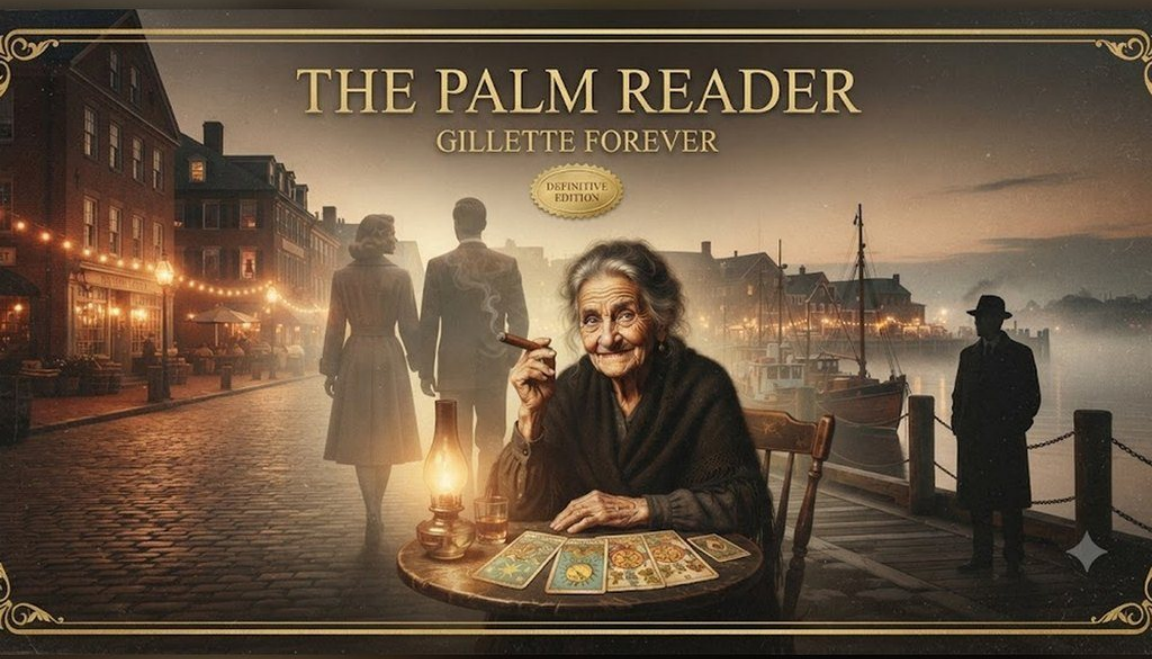

THE PALM READER
GILLETTE FOREVER
DEFINITIVE EDITION

ХИРОМАНТКА WALL STREET — ПРОДОЛЖЕНИЕ

GILLETTE FROM WALL STREET · 10

Встреча с девяностодвухлетней португальской хиромантkой в Бостоне за несколько дней до этого оставила во мне, внутри моего молчания, удивление и приятное воспоминание — и ещё улыбку, которая не говорила ни слова, но всегда думала одно и то же: ну и что теперь случится такого, чего я ещё не предвидел?

Эзотерика, внутри Пифагора и его геометрии, последние тридцать три года была моим культурным фундаментом. Магию, белую или чёрную, я по-настоящему никогда не встречал — пользовался ею с иронией, в благородных целях, только когда читал гороскопы и знаки зодиака. Каждое утро прочитать маленькие колонки в газетах ничего не стоило, и их пользу я направлял только на одно: завоёвывать красивых, недоступных женщин — женщин, которые говорили, что никаких мужчин не ждут, но всегда искали именно такого, как я.

В тот вечер я вернулся в отель, на Двенадцатую улицу, — хотя это был не настоящий городской адрес, это просто я считал кварталы от ресторана до места, где спал, чтобы не заблудиться.

Ужин был тот же, что и всегда, годами, — от своих лингвини с омаром в MAIN я бы никогда не отказался: они говорили по-английски, а мои говорили на африкаансе и не всегда были понятны — смесь африканских племенных языков и

голландского.
С вином сомнений не было: один бокал за едой, всегда, красное, итальянское — нёбо ничего другого не просило. Но когда ритм задавал карман, ничего не оставалось, как отказаться и перейти на воду из-под крана.

Номер у меня был прекрасный, полный удобств, которые оставались закрытыми: бассейн, поле для гольфа, сауна, массажный кабинет, две блондинки, две чернокожие и одна рыжая, зимний сад — и всё это сложено в одну-единственную картину, висевшую у входа, как пазл.

А ещё односпальная кровать, на которой стоило перевернуться — и пружины кричали, красное кресло всё в дырах, маленький столик — всё включено в цену, несколько долларов за ночь, оплата до того, как войдёшь.

Главным украшением была ванная — первая в истории настоящая ванная по предварительному звонку. Достаточно было крикнуть: свободно? Если в течение десяти секунд никто не отвечал, она была твоей — одно помещение в коридоре на двадцать номеров, общее для мужчин и женщин, чтобы не создавать неравенства.

Было 22:34. Я устал и уже засыпал, когда услышал стук в дверь. Подумал, что кто-то ошибся номером, и не встал. Потом раздался ещё один стук, и по часам было 2:46 ночи — время шло себе дальше, и никто этого не замечал.

Я встал открыть дверь и никого не нашёл. Когда я повернулся обратно к кровати, в моём красном кресле кто-то сидел. Frega, сказал он, наконец-то я тебя нашёл.

Его образ был размытым, нечеловеческим, как отражение. Я попытался понять, не фокус ли это внутри голограммы.

Ничего, что бы это подтверждало, я не нашёл.

Нет смысла искать или пытаться понять, кто я, — избавлю тебя от труда. Я тот призрак, которого ты встретил у хиромантки, и я пришёл узнать конец пятнадцатого тома саги Gillette. А взамен я дам тебе два секрета для твоего GILLETTENARRATIVE.

Расскажи я эту историю кому угодно, меня бы тут же упекли в бостонскую больницу. Поэтому я позаботился о том, чтобы никогда не рассказывать её ни одной живой душе.

Последняя часть пятнадцатой книги такая:

Две кубинки, мать и дочь, молодые и красивые, каждая — в разное время, по-разному — выкраивали время, чтобы побыть со мной наедине, поговорить, и каждая выходила из этого потрясённой. Обе хотели одного и того же: выйти за меня замуж.

Я никогда не носил обручального кольца из-за врождённого дефекта пальцев, удостоверенного ещё до моей свадьбы в 1993 году, — и моя жена приняла и этот мой недостаток. Однажды утром я уехал с Кубы. Сел на первый рейс в Италию без брони — кто знает те места, может представить себе трудность, но никогда не догадается, как мне это удалось, — сказав женщинам, каждой по отдельности, под строжайшим секретом, что скоро вернусь, что на них женюсь.

Этого так и не случилось.

Я думал, что однажды они забудут обо мне и о моих обещаниях. Но нет: они решили нанять Aifá из африканской религии Orulá, чтобы вызвать зло и наложить на меня смертельное проклятие — из тех, что без возврата денег.

И оно действовало. Меня срочно положили в реанимацию, в прихожую смерти, после того как нашли гемоглобин ниже пяти процентов, жидкость в лёгких, затруднённое дыхание, — и в заключении мне давали тридцать шесть часов жизни, не больше.

Приехало и похоронное бюро и поставило гроб рядом с кроватью. Я смотрел на всё это. У меня не осталось сил даже выдохнуть. Даже тогда мне в голову не пришло писать.

Всё казалось готовым. Всё шло по ритуалу чёрной магии, когда через тридцать три часа я поднялся с кровати, выдернул все трубки и вышел из отделения в пижаме, чтобы идти домой.

Я прошёл пять километров пешком, позвонил в дверь, и моя жена упала в обморок. Я сказал ей сварить пасту с фасолью — я был голоден. Через двадцать минут в дверь позвонили карабинеры, которых предупредили из больницы.

Они искали покойника, а когда я сказал им, что это я, схватились за яйца и ушли.

Настал момент сказать моему гостю, что это часть концовки, и попросить его уйти, учитывая поздний час. Он улыбнулся: неужели тебе не любопытно узнать, что я хочу тебе рассказать?

Я сказал, что нет, — потому что любопытство вещь женская. Женщины носят его, чтобы побеждать других женщин. А мама всегда говорила мне одно: оставайся мужчиной в голове у женщины.

Ferdinando